

Ворон зовёт маму, изначально это было выражением уважения, но, похоже, адресат этого не понял.

Граф остановился у двери на мгновение, ничего не сказал, но Ворон лишился консервов на ужин.

Он был бумажной больной жабой, прыгнул раз и устал на три, не смея протестовать против свирепой матушки, он безвкусно проглотил половину миски собачьего корма, злясь, но не смея высказаться.

В подземном городе нет различия между утром и вечером, биологические часы регулируются только светом. В ягодном круге свет выключается в определённое время, и смех наверху и внизу постепенно затихает.

Счастливым день прошёл.

Здесь уровень счастья ягод довольно высок, по наблюдениям Ворона, кроме того всеми нелюбимого глупого самца, граф – единственный, кто не поёт и не смеётся... Возможно, потому что ей нужно работать.

Труженица, которая трудилась весь день, уступила свою кровать хрупкому глупому сыну, а сама постелила старый плед на полу, как раз на том месте, где скончалась предыдущая матушка.

В полной темноте Ворон спокойно лежал, притворяясь, что не знает, что бессонный граф смотрит на него.

Возможно, из-за того, что она годами читала газеты в тёмной комнате, у графа развилась ночная слепота. Она сама не видела, да и не считала Ворона живым существом, поэтому расслабила контроль над выражением лица. Ворон тайно наблюдал, как её лицо менялось, то как будто она хотела разmozжить ему голову, то становилось мягким, словно она хотела просто вытереть ему лицо.

Это было странно. Как такой простодушный слабоумный, как он, мог вызвать такую смесь любви и ненависти?

Это неожиданное убийство кое-что объяснило, например, почему «матушка» была так необходима графу – потому что она была свирепой.

Для хозяев с крысиными головами смерть предыдущей матушки была не так важна, она всё равно была старой. Но если бы назначили новую матушку, и та снова конфликтовала с графом, экономические потери были бы слишком велики. Убийство одного домашнего животного другим – не такое уж большое дело, ведь они не поджигали ничего. Хозяева с крысиными головами просто должны были убедиться, что граф не сошла с ума и не начнёт убивать других. А было ли это убийство преднамеренным или самообороной – неважно, кто выжил, тот и прав... Если «правда» домашних животных кого-то вообще волнует.

Но в то же время у Ворона возник новый вопрос: зачем граф убила предыдущую матушку?

Предыдущая матушка не желала графу добра, но во время родов у неё не было намерения убить. Иначе, если бы она замышляла убийство, она бы видела угрозу во всех, и не была бы так беззаботна с графом, которая была моложе и сильнее.

Так что это было полностью спланировано графом.

Но роль «матушки», как пастушьей собаки, вряд ли могла быть занята новичком, обычно это были самки, вышедшие из репродуктивного возраста. Граф уже родила столько детей в этом ягодном круге, они жили бок о бок так долго, что, если бы между ними была вражда, почему бы не решить её в другое время?

Были ли трудные роды граф настоящими или притворными, рожать в таком месте – не шутка. Зачем ей было совмещать две опасные задачи – роды и убийство?

Даже если ребёнок, которого она носила во время убийства, был «маленьким восьмым», прошло уже девяносто месяцев, что она делала всё это время?

Она рисковала и торопилась, чтобы занять место матушки и работать на крыс?

Граф была полна загадок.

И что ещё более интригующе, Ворон только что назвал её «мамой». Это было обращение, которое толстяк Шестой не понимал, но граф, хотя и была взволнована, не удивилась.

Ворон медленно варил эти вопросы в своей голове, терпеливо ждал, пока граф, лежащая на полу, перевернётся, и её беспокойный взгляд отведётся. Он предположил, что, по крайней мере, сегодня ночью, граф не собиралась разбивать ему голову, и с облегчением вытянул конечности, демонстрируя мастерство засыпания за три секунды.

Возможно, кровать графа была жёстче, чем в больнице, и скрипела при каждом движении, поэтому Ворон спал беспокойно и в полусне увидел сон.

Во сне он был здоров, мог съесть коробку жареной курицы за пять минут, и выплёвывал кости быстрее, чем собака.

Кто-то сел рядом с ним, силуэт был размытым, но тёплым, похожим то ли на отца, то ли на мать.

Он инстинктивно хотел отдалиться от этого человека, его спина напряглась, но он сдерживал себя, как будто с кем-то спорил.

- Отвратительно, – он выбросил последнюю кость, нарочито безразлично вытирая руки и жалуясь, – Ваша столовая что, одевает курицу в бронежилеты? Столько панировки, что у меня нёбо стёрлось.

- О, прошу прощения, – человек с тёплой улыбкой ответил, – Пригласил тебя, а нормального угощения не предложил. В следующий раз закажу тебе еду, что хочешь?

- Дерьмо, – он, как бунтующий подросток, – Какой ещё «следующий раз»!

- Как раз хотел сказать, – человек не обиделся, его тон оставался добрым, – У меня много работы, где нужна твоя помощь. «Союз» решил перевести тебя из «Особого района», и я буду твоим опекуном.

- Над-зор-ни-ком.

- Тебе больше нравится это обращение? Хорошо, или можешь называть меня «старикашкой».

Ворону стало неловко, и он выпалил: – Вам нужно то, что у меня внутри, так выньте это и всё!

Человек замолчал.

Тогда он стал ещё более несдержанным: – Союз уже давно не может дожидаться, правда? В конце концов, я же...

– Дитя, – человек прервал его, – Ты не хочешь быть рядом со мной?

Ему стало ещё более неловко, и он начал ёрничать: – Нет, конечно, как же, с вами так почётно, моя могила, где бы она ни была, наверное, взорвалась...

– Но мне кажется, что с тех пор, как я сел здесь, ты всё время хочешь выпрыгнуть в окно.

– ...

Добродушный человек встал, открыл окно, выглянул наружу и повернулся к нему: – Это второй этаж, внизу толстый слой травы, можешь прыгнуть, если хочешь. Прыгнешь?

Человек, сказавший это, стоял у окна спиной к свету, его лицо всё ещё было неразличимо. Только слово «можно» продолжало звучать, ударяясь о его барабанные перепонки, пока он не проснулся.

Ворон открыл глаза, свет... свет уже горел вовсю.

Он немного помедлил, осознавая, где находится.

В ягодном круге уже было шумно, граф давно ушла на работу – она хоть и убийца, но не против, чтобы дети поспали подольше, и только за это она заслуживает пятизвёздочного отзыва как мать.

Сон, как ночной гость, быстро исчез из его памяти, оставив лишь смутные следы. Ворон сидел на краю кровати, ожидая, пока пройдёт головокружение от низкого давления, и услышал, как в ягодном круге начали транслировать радио.

В весёлой музыке звучал мягкий голос, напоминающий мышинный, который проповедовал: Самое большое счастье в мире – это есть и спать, будьте благодарны жизни, всегда остерегайтесь необычных мыслей, потому что «пустые мечтания» – это симптом ягодного рака мозга, который имеет высокий уровень смертности.

Ворон: – ...

Серьёзно? Не обманывайте неграмотных слабоумных, у рака мозга такие симптомы?

В комнате графа был простой кран, он посидел немного, набрался сил, чтобы встать, умылся и, используя чип на шее, открыл дверь на лестницу и спустился вниз.

Внизу девушки уже встали, и толстые птенцы выстроились в очередь за едой.

Радио: – Пойте больше, говорите меньше, избегайте вопросов – пение питает дух, многословие вредит энергии, вопросы опасны.

Взрослые и дети во дворе покачивали головами, хором повторяя: – Пение питает дух, многословие вредит энергии, вопросы опасны!

Ворон: - Пффф...

Затем он получил взбучку за то, что стоял на пути, глупо улыбаясь.

Граф ударила кнутом, и хотя Ворон не особо пострадал, толстые птенцы, ожидающие еды, сильно испугались. Очередь сразу же затихла, дети даже не осмелились повторять за радио.

После того, как еда была роздана в полной тишине, дети собрались в круг, наблюдая друг за другом, чтобы никто не оставлял еду. Если кто-то оставлял еду, это докладывали матушке, и она била кнутом. Ворону стало любопытно, какая еда могла так откормить детей, и он взял одну штуку из миски ребёнка, но не успел положить её в рот, как его тут же заложили. В итоге он не попробовал еды для толстых птенцов, а получил ещё одну порцию кнута.

После того, как она отлупила глупого сына, граф прогнала эту партию толстых птенцов обратно и пошла организовывать следующую группу для очереди. Только тогда Ворон заметил, что рядом с кормушкой стоит довольно продвинутое устройство, которое автоматически сканирует различные параметры тела. Дети сначала встают на весы, а затем получают еду в соответствии с указаниями весов.

Ворон подошёл поближе, чтобы рассмотреть, и, пока граф не видела, присел на корточки, смешавшись с толпой толстых птенцов, а затем устроил представление «исчезновения человека» перед весами.

Весы: - Предупреждение, рост цели превышает максимальный стандарт, пожалуйста, примите меры! Пожалуйста, примите меры!

Ворон: - Хех.

Довольно умно.

Граф обернулась, и Ворон бросился наутек, но переоценил свои лёгкие. Пробежав пару шагов, он начал задыхаться, его лицо побледнело, и граф поймала его у входа в мужское общежитие, снова отлупив.

Рядом царил хаос, а парни в мужском общежитии лежали совершенно безучастно, их тощие задницы, казалось, уже пустили корни в прохуdivшихся шезлонгах.

Граф схватила Ворона за ухо, с подозрением разглядывая его: - Что с тобой сегодня?

Ворон молчал, глядя на неё своими ясными и глупыми глазами.

На лице графа мелькнуло раздражение, и она с досадой сунула ему миску собачьего корма, указывая на самца во дворе: - Отнеси ему, и проваливай.

Ворон использовал чип, чтобы открыть железную дверь, и зашёл в мужское общежитие. Едва приблизившись к самцу, он чуть не упал от вони - братец целыми днями лежал без движения, у него уже появились пролежни, и личинки копошились в его гниющей плоти. Подойдя ближе, Ворон понял, что пятна на юбке самца - это не узор ткани, а следы испражнений. Бедняга уже не контролировал свои естественные потребности.

Неудивительно, что граф сама не хотела идти сюда.

Ворон на цыпочках подошёл к своему брату, понюхал и чуть не потерял сознание. От самца

исходил не просто запахом, а предсмертное зловоние. Великий мистер Чарльз был прав – он скоро умрёт.

Ворон торжественно поставил миску с едой перед самцом, воткнул пластиковую ложку в корм ручкой вниз и поклонился, как на поминках.

Самец не обратил внимания ни на Ворона, ни на еду, он просто уставился на железную решётку вдалеке.

Ворон последовал за его взглядом и увидел, что на решётке висит маленькая корзинка с цветами, сделанная очень искусно, внутри неё были игрушки, сплетённые из веревок, и цветы, сложенные из оберточной бумаги.

Самец произнёс несколько невнятных слов, и Ворон, прислушавшись, разобрал: – Колокольчик... колокольчик...

Колокольчик?

Ворон подошёл к корзинке и долго смотрел, но так и не нашёл колокольчика. Он уже хотел протянуть руку, чтобы снять её, как кто-то шлёпнул его по руке.

Граф, появившаяся из ниоткуда, сунула ему банку мясных консервов: – Иди ешь, если ещё набедокуришь, убью.

Сказав это, она поспешно ушла.

Ворон посмотрел на банку в руках и с удивлением поднял бровь – граф подала ему уже открытую и перемешанную банку.

Такая заботливость?

В этот момент его мысли прервала голова, выглянувшая из-за угла: – Ворон, я здесь!

Запах молока ударил ему в нос, сестричка Жемчужина ласково обняла его за руку и утащила на скамейку: – Что ты натворил, что тебя так громко отлупили?

Ворон указал на корзинку на решётке.

– А, – улыбка на лице Жемчужины исчезла, – Ты тоже скучаешь по Хлебу?

– Скучаю, до смерти, – подумал Ворон, – Дай мне батон белого хлеба, и я сразу продамся в рабство.

Проглотив слюну, он вернулся к реальности и понял, что «Хлеб» – это, вероятно, имя человека. Он медленно повторил: – Хлеб?

Никто из девушек во дворе не откликнулся, только граф, стоявшая спиной к ним, замерла.

– Ты, наверное, уже почти забыл её, глупый Ворон? Хлеб тоже родила матушка, она была моей лучшей подругой.

Ворон мягко опустил взгляд, глядя на макушку девочки.

– Корзинку сделала Хлеб, она была такой хорошей, лучшей ягодой в мире, но у неё было

«слишком много мозгов», и она умерла от рака мозга. – Жемчужина, дойдя до этого места, начала тихо повторять, как мантру: – Пой больше, говори меньше, пой больше, говори меньше...

Ворон что-то почувствовал и снова посмотрел на корзинку на решётке.

В тени его левый глаз беззвучно познакомился со второй умершей в ягодном круге.

Пухленькая девушка вышла из корзинки и предстала перед ним. Она была невысокой, с круглым лицом, вся как комок сахарной ваты, только глаза были точь-в-точь как у графа.

В мгновение ока Ворон увидел всё, что произошло в её последние минуты: судя по свету, это была глубокая ночь, девушка по имени Хлеб вышла из женского общежития, таща за собой верёвку, сплетённую из пяти-шести прядей. Не очень умело завязав петлю на решётке, она встала на табурет и просунула голову в петлю.

Дыхание Ворона прервалось. В отличие от вчерашнего убийства, на этот раз удушье было мягким, долгим... и полным отчаяния.

Он спокойно сидел, не подавая виду, чтобы маленькая девочка рядом с ним ничего не заметила.

На этот раз в сцене смерти были и другие люди. В мужском общежитии двое мужчин – включая самого Ворона – оказались бодрствующими. Эти двое глупцов, как деревянные идолы, один сидел во дворе, другой выглядывал из окна, безучастно наблюдая за самоубийством у решётки.

Хлеб, под их взглядом, оттолкнула табурет, её тело закачалось, ударившись о решётку с хриплым звуком. Пока граф не выбежала и не обняла тело девушки, двое мужчин в общежитии не пошевелились и не издали ни звука.

Только на мгновение, в темноте, откуда-то мелькнул луч света, и глаза самца на мгновение вспыхнули, как искра, подхваченная ветром, и тут же погасли.

Ворон увидел, как его губы слегка дрогнули, словно он говорил: – Колокольчик...

Хлеб умерла от «рака мозга».

Оказывается, здесь смерть от отчаяния называется смертью от «рака мозга».

<http://bllate.org/book/14692/1312820>